

Елена Морозова
«Защита Лужина» В. Набокова:
Игра и игровой принцип

*Так — всякий роман: игра в
прятки с читателем...*

А. Белый. Защита чудака

Человеческая культура не может существовать без игры или «некоего игрового содержания», поскольку «<С>клонность и способность человека облекать в формы игрового поведения все стороны своей жизни выступает подтверждением объективной ценности изначально присущих ему творческих устремлений — важнейшего его достояния»¹.

Среди самых оригинальных писателей, постоянно манифестирующих игровой принцип в своем творчестве, следует назвать и Владимира Набокова. Игра характерна для Набокова — это его мир, истоки которого обнаруживаются в счастливом «райском» детстве, полном всевозможных игр, складывания картинок, фокусов, розыгрышей, числовой символики и т. п. Е. Залкинд вспоминает о нем: «Любил иногда выдумывать игры: „Смотрите две минуты на эту картинку, а потом закройте глаза и расскажите, что запомнили“. Конечно, он один был способен по памяти восстановить картину, не забывая ни малейшей подробности»². Кроме того, Набоков обладал так называемым «цветным слухом», который унаследовал от матери.

Цвет, свет, запахи — «потерянный рай» набоковского детства — впоследствии все это отзовется в его произведениях. В романе «Защита Лужина» он подарит свое детство (в инвертированном виде) и свой страх перед школой главному герою.

Как известно, Набоков увлекался бабочками, шахматами, много читал английские сказки, «которым свойственно эксцентричное ви-

© Elena Morozova, 2011

© TSQ 36. Spring 2011 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ Сильвестров Д. Предупреждение. Текст повествования в контексте игры // Хейзинга Й. Homo ludens; Статьи по истории культуры. М.: Прогресс — Традиция, 1997. С. 9—18.

² Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы. Биография. М.: Независимая Газета; СПб: Симпозиум, 2001. С. 326—327.

дение мира, комическое нарушение обыденной логики, восприятие окружающего шиворот — навыворот»³, и все это сыграло немало важную роль в его творчестве. Впоследствии он переведет на русский язык свою любимую «Алису в Стране чудес». Можно сказать, что отзвуки работы со сказкой Кэрролла обнаруживаются во многих произведениях Набокова, в частности в романе «Защита Лужина» — его «первой настоящей бабочке», где в полную мощь звучит «игровая техника повествования», аллюзии, сложное переплетение мотивов, характерных для творческой манеры писателя, и одним из главных героев становятся столь любимые им шахматы.

Игра с читателем — одна из главных задач прозы Набокова. Вот что по этому поводу говорил сам писатель в «Других берегах»: «<...> соревнование в шахматных задачах происходит не между белыми и черными, а между составителем и воображаемым разгадчиком (подобно тому, как в произведениях писательского искусства настоящая борьба ведется не между героями романа, а между романистом и читателем), а потому значительная часть ценности задачи зависит от числа и качества „иллюзорных решений“ — всяких обманчиво сильных первых ходов, ложных следов и других подвохов, хитро и любовно приготовленных автором, чтобы поддельной нитью лже-Ариадны опутать вошедшего в лабиринт»⁴.

Многие исследователи отмечают, что Набоков стоит в литературе особняком — «У Набокова одновременно сосуществуют, иногда даже в рамках одного художественного текста, такие, казалось бы, противоречивые стилевые особенности, которые его делают одновременно и символистом, и авангардистом»⁵ — эти качества, возможно, имеют игровое происхождение.

В «Защите Лужина» игра и игровой принцип заключаются в построении романа как шахматной игры, в искусной словесной игре, аллюзиях, пронизывающих весь текст романа, игре с датами, с различными мотивами (мотив кукол, мотив окна, связь шахмат с музыкой и с любовью), а также во введении в роман темы «потусторонности», которой «пропитано все, что он <Набоков. — Е. М.> писал; она, как некий водяной знак, символизирует все его творчество»⁶.

³ Орел В. Э. Английская детская литература. — Зарубежная детская литература. М.: Просвещение, 1982. С. 133.

⁴ Набоков В. В. Другие берега: мемуары. М.: Захаров. 2004. С. 411.

⁵ Медарич М. Владимир Набоков и роман XX столетия // В. В. Набоков: pro et contra: в 2-х т. СПб.: РХГИ, 1997. Т. 1. С. 455.

⁶ Набокова В. Предисловие к сборнику: В. Набоков. Стихи (1979) // В. В. Набоков: pro et contra: в 2-х т. СПб.: РХГИ, 1997. Т. 1. С. 348.

«Защита Лужина» строится также на словесной игре. Можно согласиться с исследователями в том, что «<У> Набокова слово или выражение, историческую реалию или образ из культурного обихода никогда нельзя принимать за знакомую данность, смысл которой зарегистрирован в словарях»⁷. И часто за обычными словами у него скрываются ключи к пониманию романа, а порой «<...> каждое набоковское слово представляет собой мотив <...>»⁸.

Так, например, слово бытового регистра «крошка» в романе характеризует семейные скандалы. «За завтраком <...> <Т>етя, все та же милая, рыжеволосая тетя, троюродная сестра матери, была весела чрезвычайно, кидалась крошками <...>»⁹. «<...> и пока он <отец. — Е. М.> говорил, тетя попала ему крошкой прямо в рот. Мать молчала, — и вдруг, после второго блюда, встала и, стараясь скрыть дрожащее лицо, повторяя шепотом, что «это ничего, ничего, сейчас пройдет», — поспешно вышла. Отец бросил салфетку на стол и вышел тоже» (28). «Крошка» фигурирует и в сцене приезда отца, вероятно, после любовного свидания с тетей: «Он смеялся и говорил очень громко и шумно ел <...>, мать, облокотясь на стол, молча шурилась, глядя на тарелку с малиной, и чем веселее рассказывал отец, тем больше она шурилась. Потом она встала и тихо ушла, и Лужину показалось, что все это уже раз было. <...> У отца была крошка на бороде <...>» (41).

Для верного понимания Набокова важен еще один игровой момент — литературные аллюзии. «Защита Лужина» пронизана переключками с Пушкиным, Гоголем, Толстым, Тютчевым, Достоевским и т. д.

В романе Набоков играет также с датами, каждая из которых имеет для него «символическое» значение, например, год рождения его героя совпадает с годом рождения самого Набокова, а на «пасхальных каникулах» Лужин узнал о шахматах и т. д. Набоков, как известно, верил в судьбу, верил, что «<...> в жизни этой все заранее предопределено, и никто уже не в силах изменить ее размеренный ход»¹⁰.

⁷ Сендерович С. Я., Шварц Е. М. Поэтика и этология Владимира Набокова (Предварительные тезисы) / Ред. Аверин Б. В. // Набоковский вестник: Юбилейный. Вып. 5. СПб.: Дорн, 2000. С. 23.

⁸ Там же.

⁹ Набоков В.В. Защита Лужина. Подвиг: Романы. Соглядатай: Рассказы. М.: АСТ, 2004. С.27. Далее в работе отсылки к роману даются по этому изданию: с указанием страницы в скобках после цитаты.

¹⁰ Седых А. Интервью, данное Андрею Седых // В. В. Набоков: pro et contra: в 2-х т. СПб.: РХГИ, 2001. Т. 2. С. 146.

В игровой манере представлена в романе демоническая фигура Валентинова. Подчеркивая игрой слов особенности его поведения, речи, его внешность, Набоков дает понять, что игривость, наглость, суетливость, обольстительность, и т. д. — черты демона, благодаря которому «любая фабула приобретала необыкновенную живость, привкус авантюры» (55), как в судьбе героя, так и в самом повествовании «Защиты Лужина».

К элементам игры в романе относятся цепочки мотивов и различные «тайные знаки» и символы, «всякие легкие» и «сквозные звуки», пророчества, замаскированные писателем в тексте («легкий свет», «блеск <...> в тяжелом хрустальном яйце», «блики», телефон, фотографии, шахматы, куклы, окно, музыка, любовь, смерть и т. д.).

Противопоставляя шахматную жизнь героя (в которую входят «пузеля», «веселая математика», «веселая, рыжеволосая тетя», «шахматы» — т. е. «свой» мир) его повседневной жизни, т. е. всему остальному, «чужому» миру, Набоков дает понять читателю, что Лужин — это «<...> человек другого измерения, особой формы и окраски, несовместимый ни с кем и ни с чем» (72).

Предложение отца запустить на станции автомат с марионетками начинает в романе кукольный мотив, где за отдельными элементами игры выстраиваются смысловые комплексы «управляемость героя чужой волей», «механистичность, машинальность» его бытия, «идея подобия кукле», мнимость и призрачность «эмигрантского мирка» и т. д.

К игровым элементам относится и мотив окна. Окно маркирует кульминационные моменты романа: если в начале произведения Лужин влезает в окно, чтобы избежать «невозможного, неприемлемого мира» (12), т. е. школы, то в конце романа он выпрыгивает из окна, чтобы спастись от игры, «затейной» против него.

Значимой для понимания романа в целом является связь шахмат с музыкой и с любовью. Максим Д. Шраер подчеркивает, что «Набоков <...> не только строил свои тексты как музыкальные партитуры, в которых, кроме мелодий и гармоний, есть указания на то, как исполнять, то есть, читать, эти произведения. Набоков зашифровал в своих текстах главные тайны бытия, тайны любви и смерти»¹¹. Все наиболее значительные моменты в «Защите Лужина» сопровождаются музыкой: «посвящение» Лужина в шахматы, его «роковой поединок» с Турати, повторное возвращение к шахматам, и далее — прощание Лужина с женой перед уходом из жизни. Связывая шах-

¹¹ Шраер М. Д. Набоков: Темы и вариации. СПб.: Академический проект, 2000. С. 15.

маты с любовью, Набоков намекает на то, что «роковая страсть» Лужина к шахматам разделяет его и любящих его людей: отца, мать и жену. Он навсегда останется для них загадкой: им не дано понять, что шахматы для него — все.

Особый интерес у исследователей вызывает кульминационный момент романа — шахматная партия Лужина с Турати. Вероятнее всего, Набоков точно знал, какую партию суждено было сыграть его героям. Как истинный знаток шахмат он приготовил комбинацию, которую до сих пор пытаются расшифровать современники — шахматная партия Лужина с Турати дана лишь набросками; расположение фигур на доске не ясно, читателю даны лишь намеки, детали.

Сама по себе эта шахматная партия, разыгрываемая в романе на берлинском турнире, — также представляет собой один из элементов игры в «Защите Лужина». Попытаемся ответить на вопрос: была ли эта шахматная партия составлена самим Набоковым или романист заимствовал некую реально сыгранную «блестящую» партию. Можно предположить, что, скорее всего, Набоков составил шахматную партию, которую играют его герои, сам. Аргументы в пользу этого:

1. Как видно из романа, Набоков достаточно подробно описывает ходы шахматной партии, что позволяет предположить наличие у автора четкого, продуманного плана ходов Лужина и Турати.

2. Некоторые совпадения манеры игры и внешности Лужина с великими шахматистами Стейницем и Рубинштейном еще не являются однозначным основанием для предположения о том, что Набоков приводит в романе какую-либо сыгранную ими партию. Хотя, например, Н. Букс полагает, что «<...> Набоков, не склонный в своем творчестве к строгой документальности, воплотил в образе Лужина некоторые черты портрета и судьбы знаменитого шахматиста, бывшего чемпиона мира, Вильгельма Стейница»¹².

В то же время некоторое сходство Рубинштейна и Лужина («Набоков признавал, что кое-что для Лужина он позаимствовал у Рубинштейна»¹³) дает право Лайнеру предполагать, что «<В> романе на свой берлинский турнир Набоков «арендовал» для Лужина знаменитую «бессмертную» партию Рубинштейна, в которой он выиграл у Герша Ротлеви, последовательно пожертвовав ферзем, ладьей и конем». В самом тексте мы находим следующее: «Некоторые партии,

¹² Букс Н. Двое игроков за одной доской: Вл. Набоков и Я. Кавабата // В. В. Набоков: pro et contra: в 2-х т. СПб.: РХГИ, 1997. Т. 1. С. 531.

¹³ Лайнер И. Л. Узор Каиссы в романе «Защита Лужина» / Ред. Б. В. Аверин // Набоковский вестник: Юбилейный. Вып. 5. СПб.: Дорн. 2000. С. 116.

им <Лужиним. — Е. М.> сыгранные на берлинском турнире, были знатоками тогда же названы бессмертными. Одну он выиграл, пожертвовав последовательно ферзем, ладьей, конем <...>» (94). Если Лайнер имел в виду данный момент романа, то его слова действительно могут быть близки к истине. Однако, если исследователь указывает на центральное место романа — партию Лужина с Турати, то данное утверждение бездоказательно. Ведь в романе все идет к тому, что Лужин проиграет шахматную партию. Да и вряд ли Набоков решился бы на полное копирование уже отыгранной, к тому же прославившейся партии.

3. Характерно, что среди исследователей нет ни четкого представления о самой партии, ни согласия относительно того, какая именно партия была позаимствована Набоковым для романа «Защита Лужина» — это обстоятельство также позволяет усомниться в использовании писателем «готового блока»

4. Далее, персонажи в романе представлены различными шахматными фигурами, а «сюжетные события» уподобляются «тактическим приемам», например, главный герой (по версии С. Сакуна) представлен в романе черным шахматным конем (учитывая внешность Лужина, манеру поведения, профиль и т. д.).

Автор настоящей работы составил предположительный вариант последнего хода данной партии: e2-e4 f4-e4 (Турати-Лужин). Этот ход подкрепляется тем, что в «Предисловии к английскому переводу романа «Защита Лужина» Набоков пишет: «<...> последним ходом черных не могла быть рокировка или что они *должны были* взять белую пешку en passant»¹⁴.

Здесь необходимо пояснить: итак, действие разворачивается на королевском фланге (по версии С. Сакуна), черная пешка стоит на поле f4. В романе «черные несомненно проигрывали, вследствие слабости пешки на эф-четыре» (109). Значит, черная пешка точно стоит на поле f4, а последним ходом черные должны были взять «пешку на проходе».

Итак, белые выдвигают пешку с поля e2 на поле e4 и черные берут пешку белых «на проходе», поскольку сделать это можно только сразу, ведь «через ход взятие не допускается правилами»¹⁵. Черные и берут пешку белых «на проходе», так что пешка черных становится с

¹⁴ Набоков В. В. Предисловие к английскому переводу романа «Защита Лужина». — В. В. Набоков: pro et contra: в 2-х т. СПб.: РХГИ. Т. 1, 1997. С. 54.

¹⁵ Шахматы: энциклопедический словарь. Шахматы: энциклопедический словарь /Ред. Карпов А. Е. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 60.

поля f4 на поле e4. Кроме того, присутствие черной пешки на поле e4 подтверждает «слабый пункт белых на дэ-три» (109).

Особое значение имеет то, что в образном шахматном коде жена Лужина представлена в романе черной пешкой, — это подчеркивается различными ее характеристиками: внешностью, поведением, манерой одеваться, преданностью Лужину (Предполагается, что черная пешка расположена именно на клетке g5, так как: 1) действие на доске сосредоточилось именно на королевском фланге (по версии С. Сакуна); 2) жена Лужина (черная пешка) старается неотступно следовать за ним: «Бедная дама <мать героини. — Е. М.> стала замечать, что ее дочь и подозрительный господин Лужин неразлучны» (77); 3) расположение берлинской квартиры понравилось жене Лужина, а располагается квартира на 5-ом этаже; 4) когда Лужин направляется в ванную комнату, чтобы совершить самоубийство, жена успевает поймать «мужа в коридоре» (182), а по схеме С. Сакуна коридор — это квадраты g5 — g3. Но поймала она его в коридоре еще до того, как он успел дойти до ванной, следовательно, скорее всего, это и есть квадрат g5. Исходя из этого, жена Лужина — черная пешка — делает ход с клетки g5 на клетку f4. Ведь она следует за Лужиным (черным конем) до конца, она должна защитить его, поэтому делает ответный ход. В романе этому соответствуют такие ее слова: «Я этого человека не могу бросить на произвол судьбы. И не брошу. Точка» (110), она не страшится пройти весь путь с Лужиным до конца.

Можно предположить, что «шахматный двойник» матери Лужина — белая ладья, которая находится на клетке g1. С. Сакун, анализируя шахматную партию Кизерицкого с Андерсеном, делает вывод, что совпадают «положение черного шахматного коня, и угроза, создаваемая выдвигаемой белой пешкой, и возможность взять эту пешку черной пешкой en passant, и прикрывающая белую пешку ладья»¹⁶. Не случайно Набоков упоминает словосочетание «в конце аллеи». Также мы находим в тексте фразу «мать уплывала куда-то в глубь дома» (7), то есть, мать находится далеко от Лужина. Кроме того, ладья — «фигура „рух“ (из шатранджа) напоминала по форме лодку, вероятно, поэтому восточные славяне называли ее ладьей»¹⁷, значит, Набоков и здесь не случайно употребляет прилагательное «уплывала». И цвета, характеризующие образ матери («белый», «бледный»; «напудренность» ее лица), свидетельствуют о принадлежности ее к белым фигурам, т. е. противоположному лагерю. Это соответствует от-

¹⁶ Сакун С. В. Шахматная партия Андерсен — Кизерицкий, Лондон, 1851 г. в структуре романа «Защита Лужина», 2006 — <http://sersak.chat.ru/appendix.htm>

¹⁷ Шахматы: энциклопедический словарь... С. 191.

ношениям героя с родителями, которых он сторонился с детства, ему было с ними неуютно, он старался уйти от общения с ними, спрятаться от них в своей комнате. Месяц «июль» тоже указан намеренно: это седьмой месяц года, а если учесть, что расположение белой ладьи в партии Кизерицкого с Андерсеном совпадает с расположением ладьи в партии Лужина с Турати, то «июль» можно интерпретировать как цифру 7, ведь буква «g» является 7-ой по счету в алфавите: «И как-то в июле, на лестнице веранды, она <мать Лужина> поскользнулась и вывихнула ногу, и долго потом лежала, — то в полутемной спальне, то на веранде <...>» (38). Именно в июле умирает мать Лужина: «<...> как-то в июле, маленький Лужин <...> увидел на косогоре <...> отца с дамой. <...> А через несколько дней после этого, рано утром, <...> отец вошел, протягивая, словно отстраняя от себя, бумажку, — телеграмму. Слезы лились у него по щекам <...>» (50). Еще одно указание на цифру семь — 7-ой день недели — находим в отрывке: «В воскресенье он <Лужин. — Е. М.> поразил мать сообщением, что приглашен к товарищу <...>» (33).

Получается, что «июль», «воскресенье» определяет букву (g), а «конец аллеи», то, что мать Лужина «уплывала в глубь дома», ее отдаление от сына намекают на конец доски, и, соответственно, можно определить положение фигуры на доске (g1). Словосочетание «долго потом лежала» (38) наталкивает на мысль о малом количестве ходов белой ладьи, ведь мать Лужина находилась «то в полутемной спальне, то на веранде» (38), т. е. задействованы две шахматные клетки. Это также косвенно подтверждает гипотезу о расположении ладьи на поле g1. Необходимо пояснить: в исходном положении ладья находится на поле h1. Если продолжить расположение квадратов на доске по схеме Сакуна (иллюстрация приведена в главе 5.5), то мы увидим, что квадрат h1 будет белой клеткой, а квадрат g1 — черной. В таком случае можно предположить, что клетка g1 символизирует спальню, где была мать Лужина, — «полутемная спальня» (38), а клетка h1 веранду — «яркая веранда» (43). Последнее упоминание о передвижении матери из спальни на веранду: «Потом она встала и тихо ушла, и Лужину показалось, что все это уже раз было» (41), т. е., она отправилась в спальню, в темную спальню, или, в случае с фигурой — на клетку g1.

Наконец, незадолго до смерти матери Лужина, находим в тексте следующее: «<...> мать вернулась гораздо раньше, в начале лета. И уехала она все-таки нехотя, — да и сама не знала, ехать ли или оставаться» (49). И далее: «все было так грустно и так ненужно <т. е. мать и сын окончательно отдалились друг от друга. — Е. М.>, — эта

жидкая, нерусская сирень на станции, и тюльпанообразные лампочки в спальном купе нордэкспресса <...>» (49). Итак, Набоков снова подчеркивает темную клетку — «спальное купе» — и отдаление матери — «нордэкспресс», т. е. «северный» экспресс — противоположный, холодный, находящийся по другую сторону.

4) Проанализировав шахматную партию Андерсена с Кизерицким, С. Сакун находит как соответствия данной партии с партией Лужин-Турати, так и различия с ней: «несовпадение последовательности ходов, отсутствие белой пешки доступной взятию черным конем и др.»¹⁸. Принимая во внимание эти аргументы, а также то, что Набоков «<...> посвятил чудовищное количество времени составлению шахматных задач»¹⁹, признания самого писателя в том, что для создания Лужина «пришлось очень много заниматься шахматами»²⁰; учитывая, что Набоков «был довольно сильным шахматистом» и принимал участие в сеансах одновременной игры, которые проводили А. Нимцович и А. Алехин, а также написал «профессиональную» рецензию на книгу Е. Зноско-Боровского «Капабланка и Алехин»²¹ и т. д., можно предположить, что Набоков, «как тонкий знаток шахмат», мог сам составить шахматную партию, которую играют герои его романа «Защита Лужина» — Лужин и Турати.

Ведь «ключом к <...>» задаче «оказывается ход, который представляется запретным, невозможным, естественным образом выпадающим из ряда возможных, т. е. реально существующих шахматных ходов» (41).

И, наконец, едва ли Набоков стал бы вводить в свой роман сыгранную кем-то из великих шахматистов партию целиком — это шаг, чуждый Набокову, ведь «Защита Лужина» основана на излюбленном «коньке» писателя — игре с читателем.

В романе «Защита Лужина» еще много «темных» мест и загадок, которые не раскрыты еще до сих пор. Набоков, писатель таинственный и неординарный, говорил: «Я ненавижу <...> писателей без тайны <...>. Мне нравится, когда слово — есть то единственное, что составляет истинную ценность шедевра. Принцип настолько же старый, насколько верный»²².

¹⁸ Сакун С. В. Шахматная партия Андерсен — Кизерицкий [интернет-документ].

¹⁹ Набоков В. В. Другие берега: мемуары... С. 407.

²⁰ Интервью Седых 1932 г.; цит. по: Лайнер И. Л. Узор Каиссы в романе «Защита Лужина»... С. 112.

²¹ Лайнер И. Л. Узор Каиссы в романе «Защита Лужина»... С. 112.

²² Набоков В. В. Я объясню Вам, как это происходило (Из интервью Владимира Набокова) // Набоков В. В. Тень русской ветки: Стихотворения, проза, воспоминания. М.: Эксмо-Пресс; Эксмо-Маркет, 2000. С. 12.